

информацию — бумажные ленты, которые мы называем каротажками. Я отвечаю за сведения о скоростях распространения упругих колебаний в земной коре.

— Зачем это нужно?

— Знаешь, что такое путь?

Бурков задумался.

— Помнится, это время, умноженное на скорость.

— Сейсморазведка — это маленькое землетрясение. Оно как фонарём на миллисекунды освещает недра. Прямая волна — это волна-камикадзе. Она рождает волны, отражённые от жёстких границ, сама уходит в глубину и там погибает. Время подхода отражённой волны записывает сейсмостанция.

— Это двойное время — туда и обратно.

— Садись, пять. Делим пополам и получаем нужное нам время.

— А скорость волн?

— Она определяется сейсмокаротажом параметрических скважин. Есть время, есть скорость — получаешь глубину. Так ищут объекты для бурения.

Итак, я закончил работу на опорной скважине. За мной должна прийти машина. Хорошо, прекрасно, замечательно. Я сутки не спал и не ел. Отправился в чайную «Мираж». Заказал четыре порции пельменей. Известно, что порция — десять штук. С кухни закричали: «Что — одному? А рожа пополам не треснет?» Приносят пельмени в четырёх глубоких тарелках, еле уместились на столе. Я не учёл, что в Коми-Пермяцком национальном округе порция — это двадцать безразмерных пельменей — элитных, крестьянских, с насечкой — будто хинкали. Подумал: осилю, пока машина придёт. Съел сорок штук. В сон кинуло. Полушубок — на лавку, заснул. Поел, спал, и отдохнуть надо. Снова сел за столик. Осилил ещё двадцать пельменей, каждый с шоффёрскую ладонь. Опять прилёг на лавку. Проснулся: на столе большая тарелка с пельменями. Вышел на улицу — машины не видать. Не пропадать же добру, постепенно всё зачистил. Вроде выспался и наелся.

Спрашиваю: «Сколько до тракта?» «Шесть километров». Пойду-ка на-

встречу машине. Иду час, иду два. Ни машины, ни тракта нет в помине. На встречу мужик с «гусыней» — четвертью густой овсяной браги. Протягивает: «Бражки попьёшь, братишка, и обедать не захочешь». «Спасибо, я уже отобедал. К тому же я абстинент». Он удивился, чуть не выронил «гусыню».

— Далеко ли до тракта?

Он глубоко задумался:

— Километров шесть, однако, будет.

уложились в срок, главную труженицу Инну Владимировну переименовали в Уньву Владимировну и отправились в ресторан «Кама» скромно отметить это событие. Финал:

— Ну, всё, рассчитайте нас.

— 50 рублей 30 копеек.

— По моим подсчётам, 30 рублей.

— Нет, 50 рублей 30 копеек.

— Хорошо, дайте счёт.

— Вот счёт на 50.30.

«ТЫ В КАКОМ ВИДЕ ИГРАЛ?» — «ТАК Я КОГО ИГРАЛ? Я ПЬЮЩЕГО ЧЕЛОВЕКА ИГРАЛ! КОНЕЧНО, ПРИШЛОСЬ ВОЙТИ В ОБРАЗ. ИСКУССТВО ТРЕБУЕТ ЖЕРТВ»

— Так мне и в Старцево говорили — шесть километров!

— Это смотря какой дорогой идти.

Через полтора часа я увидел указатель: «До тракта шесть километров». В этот день я съел под сотню пельменей, после чего протопал 20 километров. До станции Менделеево добирался на попутках.

Солоницын смеялся грустными, глубоко спрятанными умными глазами.

Бурков был во власти инстинкта познания.

— Если нашли нефть, что дальше?

— Дальше наш общий друг Владислав Григорьевич Звездин со своими девушками, со своими вишенками, ягодками и шанежками, считает запасы. Ему принадлежит афоризм: «Запасы нефти не возникают и не уничтожаются, а переходят из одной категории в другую». Он любит цифры и то, что за ними стоит, любит заниматься дифференциацией запасов — раскладывает их, как в первом классе, по кармашкам кассы. Если запасы промышленные — принимай, Родина, большую пермскую нефть! Слава, скажи!

— Да-да-да, расскажите, — сказал Солоницын.

Витя понимал так, что Бурков развивал в себе чувство юмора, ждал, что же выдаст на своём мастер-классе Слава Звездин. Пришвин называл это творческим поведением.

— Дело было так. Мы защитили запасы по Уньвинскому месторождению,

— Давайте разбираться. Вы написали «Водка «Экстра», а мы заказывали «Столичную».

— У нас только «Экстра».

— В меню есть «Столичная». Я не знаю, сколько вы в графинчик налили и чего вы налили. Может, мы вашу «Экстру» и пить-то не стали бы. Дальше. Мясо в меню 80 копеек, а вы записали рубль 30 копеек.

— У нас закупное мясо.

— Ничего не сказано про закуп.

— Платите 50.30.

— Платить мы не будем. А будем мы говорить с завзалом.

Действие второе. Завзалом:

— Но мясо действительно рубль 30.

— В меню 80 копеек.

— Мало ли что в меню написано.

— Хорошо-с. Составим акт о несоответствии меню фактической цене.

Завзалом — офицантке:

— Отдай деньги.

— Почему?

Кулаком по столику:

— Я говорю — отдай им деньги.

Офицантка кинула две красненькие.

— Опять же огурцы без сметаны.

— Я вам сметану с собой в баночку положу.

— Будьте любезны.

Солоницын смеялся: «Ну... Ребят...»

Лицо Буркова пошло красными пятнами:

— Злой я. Вот эта шушера вся... Завхозы, билетёры, администраторы, мелкая сволочь в писательстве есть и